

Посвящается Рагуле Рой, Марте Бор
и тому лучику надежды,
который выглядывает
из каждого темного момента
нашей жизни.

Мы никогда не слышали версию дьявола.
Бог написал всю книгу.

Анатоль Франс

Основная песня:

«Saints» — Echos

Плейлист:

«Give You Hell» — The All-American Rejects

«Dirty Little Secret» — The All-American Rejects

«Handsome Devil» — The Smiths

«Bad Guy» — Billie Eilish

«My Own Worst Enemy» — Lit

«Help I'm Alive» — Metric

«Bandages» — Hot Hot Heat

«Peace Sells» — Megadeth

«Boyfriend» — Ariana Grande ft. Social Club

Глава 1

Ленора

Леноре 12, Вону 13

Т*ы ничего не видела.
Он не придет за тобой.
Он даже не видел твоего лица.*

Каждая косточка в моем теле дрожала, когда я пыталась стереть из памяти только что увиденную сцену.

Зажмурив глаза, я начала раскачиваться взад-вперед, свернувшись калачиком на жестком матрасе. Ржавые металлические ножки кровати заныли, царапая пол.

Я всегда с опаской относилась к замку Карлайл, но еще десять минут назад думала, что меня пугают призраки, а не студенты.

Не тринадцатилетний мальчик с лицом Спящего Фавна¹, изумляющим своей красотой и ленивой грацией.

¹ «Фавн Барберини», или «Спящий Фавн», — мраморная статуя эллинистической эпохи, созданная неизвестным скульптором пергамской школы около 200 года до н. э. и изображающая фавна в натуральную величину.

Только не Вон Спенсер.

Я выросла здесь и еще не сталкивалась ни с чем подобным этому дерзкому американскому мальчишке.

Люди говорили, что Карлайл был одним из самых страшных замков с привидениями в Британии. В этой крепости XVII века якобы обитали два призрака. Первого заметил лакей, которого несколько десятилетий назад заперли в подвале. Он божился, что видел, как призрак мадам Тиндалл царапал стены, умоляя о воде и утверждая, будто ее отравил муж. Второго призрака — упомянутого мужа, лорда Тиндалла, — замечали бродящим по ночам в коридорах, иногда он протягивал руку, чтобы поправить неровно висевшую картину, но не мог сдвинуть ее ни на дюйм.

Они рассказывали, что мадам Тиндалл пронзила сердце лорда ножом для стейка, повернув его для верности, как только поняла, что тот отравил ее. По легенде, он хотел жениться на молодой служанке, которой заделал ребенка после десятилетий бездетного брака с женой. Люди клялись, что нож все еще торчал из груди призрака и позвякивал каждый раз, когда лорд смеялся.

Мы переехали сюда десять лет назад, в то время папа открыл Подготовительную школу Карлайл, престижное художественное учебное заведение. Он пригласил самых талантливых и одаренных студентов со всей Европы.

И они все приехали. В конце концов, отец был *Эдгаром Асталисом*. Человеком, чья скульптура Наполеона «*Император*» в натуральную величину стояла посреди Елисейских Полей.

Но они тоже боялись слухов о привидениях.

Все в этом месте производило жуткое впечатление.

Замок располагался в туманной долине Беркшира, его силуэт изгибался и рассекал воздух своими запу-

Жестокий БОГ

таннными черными шпильями. Плющ и кусты диких роз ползли по внешней каменной стене двора, скрывая тайные тропинки, по которым студенты часто пробирались по ночам. Коридоры напоминали лабиринт, который, казалось, огибал студию скульптуры.

Самое сердце замка.

Студенты прогуливались по фойе с прямыми спинами, румяными щеками, поцелованными бесконечной английской зимой, и с напряженными выражениями на лицах. Подготовительная школа Карлайл, где учились исключительно одаренные дети, не одобряла другие государственные школы, такие как Итон и Крейгклоуэн. Папа говорил, что обычные подготовительные заведения поощряют бесхребетных, родившихся с золотой ложкой во рту, этаких середнячков, а не настоящих лидеров. Мы же гордо носили свою школьную форму как знак отличия — черные накидки с девизом Карлайла, вышитым ярким золотом на левом нагрудном кармане:

Ars Longa, Vita Brevis.

Искусство вечно, жизнь быстротечна. Послание звучало довольно ясно: единственный путь к бессмертию — через искусство. Посредственность считалась богохульством. В этом мире, где каждый намеревался сожрать другого, мы были связаны между собой, жаждущие, безрассудные, слепо верящие в собственные идеалы.

В двенадцать лет я увидела то, что не предназначалось для моих глаз. Я была самой молодой студенткой на летней сессии в Подготовительной школе Карлайл, а сразу за мной следовал Вон Спенсер.

Сначала я завидовала мальчику с пронзительными ледяными прорезями вместо глаз. В тринадцать он

уже работал с мрамором. Вон не надевал свой черный плащ, вел себя так, словно на него не распространялись школьные правила, и пронесился мимо преподавателей, не поклонившись — просто неслыханно для этой школы.

Мой отец был директором школы, и даже я кланялась.

Вообще-то я наклонялась ниже всех.

Нам внушали, что мы на голову выше остальных, что мы — будущее искусства во всем мире. Мы обладали талантом, статусом, деньгами и возможностями. Но если мы напоминали серебро, то Вон Спенсер будто весь состоял из золота. Если у нас что-то получалось, то он справлялся великолепно. Если нам удавалось блеснуть, то он блистал с силой тысячи солнц, обжигая все вокруг себя.

Как будто Бог вылепил его по-другому, уделяя особое внимание деталям, когда создавал его. Скулы были острее лезвий скальпеля, глаза — светлее самого голубого оттенка в природе, а волосы — чернее воронова крыла. Его бледность поражала меня: вены просвечивали под кожей, но рот цвета свежей крови казался теплым, живым и лживым.

Он очаровывал и приводил меня в бешенство. Но, как и все остальные, я держалась от него на расстоянии. Вон приехал сюда не для того, чтобы заводить друзей. Он ясно дал это понять, потому что никогда не посещал столовую или какие-либо общественные мероприятия.

Что еще заполучил Вон, в отличие от меня? Восхищение моего отца. Я не знала, почему великий Эдгар Асталис заискивал перед каким-то мальчишкой из Калифорнии, но тем не менее он это делал.

Жестокий БОГ

Папа сказал, что Вон сотворит нечто особенное. Что однажды он станет великим Микеланджело.

Я поверила ему.

И поэтому возненавидела Вона.

На самом деле я ненавидела Вона ровно до того момента, когда пятнадцать минут назад вошла в фотолaborаторию, чтобы проявить фотографии, которые сделала вчера. Фотография стала моим хобби, а не искусством. В своем искусстве я использовала технику ассамбляжа¹, создание скульптур из мусора. Мне нравилось из уродливых вещей делать что-то прекрасное.

Превращать изъяны в совершенство.

Это давало мне надежду. Я желала, чтобы мои творения вселяли надежду всему, что не было идеальным.

В любом случае следовало подождать, пока один из преподавателей сопроводит меня в лабораторию. Такими были правила. Но у меня возникло предчувствие, что сделанные снимки будут ужасно безвкусными. Не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел фото до того, как у меня появится возможность переснять их.

Стояла середина ночи. Там никого не должно было быть.

И поэтому, поскольку я остро, болезненно завидовала Вону Спенсеру, я наткнулась на что-то, что заставило меня почувствовать замешательство и странную ярость на него.

Уже лежа в постели, я хлопнула себя по лбу, вспомнив свое глупое поведение в той темной комнате. Пробормотав извинения, я просто захлопнула дверь и побежала обратно к себе в комнату.

¹ Ассамбляж — техника визуального искусства, родственная коллажу, но использующая объемные детали или целые предметы, скомпонованные на плоскости как картина.